

Е. Д. КУКУШКИНА

ГУСТАВ III В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

8 сентября 1790 г. в Санкт-Петербурге с восходом солнца загремели выстрелы. Столица праздновала окончание войны со Швецией. Из Царского села прибыла Екатерина II. Раздались звуки труб и литавр, начались салюты из Петропавловской крепости. Народу разбрасывали серебряные жетоны с отчеканенными на них словами: «Мир со Швецией заключен 3 августа 1790 года». На обратной стороне жетонов была изображена миртовая ветвь с лавровыми венками и надписью «соседственный и вечный».¹

По окончании торжеств, продолжавшихся до 23 сентября, на Царицыном лугу состоялся фейерверк. Он изображал два храма, один из которых был посвящен Минерве, а другой Янусу. Двери последнего были открыты, «за ними раздавался шум, треск и ужасные разрывы, что означало звуки жесточайшего сражения». Минерва вышла из своего храма, сделала знак рукой — шум мгновенно умолк, двери Янусова храма затворились. Между храмами появился величественный обелиск с надписью на нем: «Августа 3 дня 1790 года счастливый день заключения мира».² Это аллегорическое представление знаменовало окончание войны и многолетнего противостояния двух европейских монархов, в котором не последнюю роль играла литература.

Граф Готландский, ставший шведским королем Густавом III, вззошел на трон в 1772 г. в результате государственного переворота. В июне 1777 г. его с большими почестями принимали в Санкт-Петербурге. Предпринятая по инициативе шведского короля встре-

¹ *Бородкин М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 357.

² Описание фейерверка по окончании торжества на случай заключенного мира между е. и. в. Екатериною Второю <...> и е. и. в. Густавом Третьим королем шведским, представленного в Санктпетербурге <...> сентября дня 1790 года. СПб., 1790.

ча его с Екатериной II призвана была разрядить нарастающую напряженность между государствами-соседями и монархами-родственниками (отец Густава III, шведский король Адольф-Фридрих, был родным братом матери Екатерины II, Иоанны Елисаветы).

Как свидетельствуют «Санкт-Петербургские ведомости», пребывание короля в российской столице было весьма насыщено событиями. Помимо встреч с Екатериной II и видными государственными лицами, участия в официальных обедах и ужинах он посетил Академию художеств, Сухопутный кадетский корпус, Фарфоровый завод, Монетный двор, Смольный монастырь, присутствовал на спектаклях придворного театра, участвовал в закладке храма Иоанна Предтечи.

23 июня Густав III провел в Академии наук, где по этому случаю состоялось торжественное собрание академиков, некоторые из них были также членами Стокгольмской академии наук. Шведский король осмотрел Кунсткамеру, поднимался на крышу обсерватории, посетил монетный и минералогический кабинеты. В академической типографии ему был поднесен портфель с видами Санкт-Петербурга и его окрестностей. Пожелав увидеть опыт печатания на разных языках, Густав III получил в подарок листы со стихами, в которых говорилось о его высоких человеческих достоинствах.

СТИХИ ГОСПОДИНУ ГРАФУ ГОТЛАНДСКОМУ,
НА СЛУЧАЙ КОГДА ОН БЛАГОВОЛИЛ ПОСЕТИТЬ
САНКТПЕТЕРБУРГСКУЮ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК,
ИЮНЯ 23 1777 ГОДА

Героя своего являя кротость нрава,
Противу склонности умолкла ныне слава,
Таящая от нас Его высокий сан;
Но муз собор дела его провозглашает:
Под всяким именем Он ими увенчан,
Не Титлом славится, но Титло возвышает.³

По отъезде Густава III между ним и Екатериной II установилась дружеская переписка, обмен любезностями и подарками. Императрица через своего адъютанта и нового фаворита полковника С. Г. Зорича вернула Густаву переданный ей шведский орден Меча для пожалования его по собственному ее усмотрению. В ответ король решил польстить Екатерине. Он пожелал увидеть награжденным именно Зорича, ходатайствовал перед императрицей о производстве его в генералы.⁴ В стихотворении, написанном по поводу

³ Текст стихотворения опубликован на русском и французском языках за подписью «И. Б.» в Прибавлении к № 51 «Санкт-Петербургских ведомостей» 1777 г. (единственный экземпляр сохранился в ГПИБ).

⁴ Грот Я. К. Екатерина II и Густав III. СПб., 1877. С. 28—33.

этого награждения, В. Г. Рубан использовал библейскую легенду о пророках Илие и Елисее, согласно которой Илия, будучи живым взят на небо, оставил Елисею свою мантию как залог пророческого духа. Зорич «дивится, как тогда дивился Елисей, / Кто, смертный, или Бог, не зная, странник сей? / Но знак Меча узря, на рамена взложенный, / От Фредерика в честь героев учрежденный, / Познал высокого достоинство Лица, / В котором своего чтит Швеция отца...». Несмотря на столь лестное для Густава сравнение, стихотворение на самом деле в большей степени призвано было воспеть русскую императрицу. В нем говорилось, что Густав пришел «к россам», «чтоб мудро правящей внимать Екатерине / И научиться премудрости от ней, / Достойной наставлять вселенныя царей».⁵ С этого времени на протяжении полутора десятков лет, насыщенных военными столкновениями, шведский король станет объектом изображения русской литературы.

В 1782 г. П. Н. Чуваевым была изготовлена гравюра, на которой на двух склеенных в длину листах были изображены гордо восседающие верхом Густав III и прусский принц Фридрих Генрих Людвиг, брат прусского короля Фридриха II. Позади них — свита. На заднем плане виден военный лагерь, войско под ружьем, а вдали море со множеством кораблей.⁶

Между тем уже в 1780 г. Густав предпринял ряд мер по укреплению военной мощи страны. Он не скрывал намерений взять реванш у России и Дании за поражение в Северной войне. Когда великого князя Павла с молодой супругой, путешествовавших в 1781 г. по европейским странам, повсюду называли графом и графиней Северными, Густав, с присущей ему подозрительностью, увидел в этом знак того, что Россия претендует на всю северную Европу.⁷ И это утвердило его в намерениях восстановить границы между Швецией и Россией по реке Сестре.

Швеция планировала вторжение в Данию. Одним из методов подготовки к изменению внешней политики стало использование драматургии как одного из самых популярных и массовых жанров литературы.

В январе 1786 г. в Стокгольме состоялась премьера оперы «Густав Васа» Густава III, в очередной раз выступившего как драматург. Опера провоцировала антидатские настроения. Удачная музыка, прекрасные декорации, слаженная театральная труппа сделали эту пьесу, как и рассчитывал ее автор, шведской национальной оперой. Весной того же года шведский король реорганизовал Академию

⁵ На пожалование королевского шведского ордена Меча Семену Гавриловичу Зоричу, ея имп. Величества флигель-адъютанту, гусарского Ахтырского полку полковнику <...> военных орденов кавалеру. СПб., 1777.

⁶ *Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн. II. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881. № 576. С. 257—258.

⁷ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 559.

литературы, истории и языка. Его целью было создание литературного сообщества, которое могло бы влиять на общественное мнение.⁸

С мая 1788 г., когда политическая обстановка в Европе еще более обострилась, а приготовления Швеции к «маленькой победоносной войне» с Россией перестали быть тайной, мысли о Густаве не оставляли русскую императрицу. Нота российской стороны, которая содержала уверения в миролюбии и фактически была обращением к политической оппозиции Швеции, не возымела ожидаемых последствий.⁹ Война разгоралась. Ход ее зависел от возможности флота стать хозяином в Финском заливе.

6 июля западнее острова Гогланд состоялось первое крупное морское сражение. Русским флотом командовал адмирал С. К. Грейг, шотландец, с 1764 г. находившийся на русской службе. Командование шведским флотом было поручено брату Густава Карлу, герцогу Зюдерманландскому. Битва не решила исход войны, но сделала невозможным нападение шведов на Петербург и породила недовольство среди высших чинов шведской армии.

Г. Р. Державин откликнулся на это сражение, в котором с русской стороны участвовали необученные воины, четверостишием «На отражение шведов Грейгом»:

Британа храбра кровь с душою славянина
Как шла соединясь, в отпор рычащу льву,
Вселенна слышала правдивую молву,
Что Грейг с младенцами препнул путь исполина.¹⁰

Лев, изображенный на гербе Швеции, играл особую роль в эмблематике того времени. У шведских панегиристов это был героический образ, у русских, начиная с Петровского времени, сатирический. Наступательный план Густава провалился, однако шведская сторона, потерявшая в бою лишь один линейный корабль, в официальных реляциях объявила себя победившей.

События июля 1788 г. дали Екатерине II повод к сочинению нового драматического произведения. 20 августа А. В. Храповицкий увидел, что императрица пишет по-французски комедию. Небольшая пьеса, состоящая из трех сцен, под названием «Les voyages de m-r Bontems» была закончена к 27 августа. Характеризуя ее, Храповицкий заметил: «Тут много соли и относится к войне шведской».¹¹

Екатерина хотела, чтобы комедия была сыграна актерами в комнатах А. М. Дмитриева-Мамонова 30 августа, «к Александрову дню»,

⁸ *Леннрут Э.* Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя. СПб., 1999. С. 171—172.

⁹ Там же. С. 249—250.

¹⁰ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1866. Т. 3. С. 347.

¹¹ *Храповицкий А. В.* Дневник 1782—1793. СПб., 1874. С. 134.

однако из-за его болезни спектакль состоялся только 19 сентября.¹² Музыку к нему написал придворный композитор Э. Ванжура.

В пьесе осмеиваются лживость и изворотливость Бонтана и его слуги Криспина, которые, вернувшись из путешествия, рассказывают о своем участии в какой-то войне. Бонтан, отвечая на вопросы служанки Мартоны и своей тетушки, которая хочет видеть в племяннике героя, смущается и путается, а ироничный и находчивый Криспин описывает их выдуманные победы на суше и на море. Только победы эти какие-то странные. Встретив неприятеля, Бонтан и его слуга бросались бежать, но, как объясняет Криспин, не от трусости, а чтобы поближе подманить врага. Кто остался победителем в морском сражении, в котором они якобы участвовали, тоже непонятно. Эти сцены очень напоминают диалоги в комедии Плавта «Хвастливый воин». В финале обнаруживается, что «подвиги» совершались в трактирах и игорных домах, где герои наделали много долгов. Действие завершается словами служанки Мартоны: «Je sais le proverbe qui dit: A beau mentir qui vient de loin» (Я знаю пословицу: Хорошо лгать тому, кто приехал издалека).¹³

Пьеса Екатерины II состоит из занимательных диалогов, а находчивый, острый на язык Криспин напоминает популярного персонажа французских комедий, впервые появившегося на сцене в пьесе А. Лессажа «Криспин — соперник своего господина». Ее перевод на русский язык был напечатан в 1779 г. в типографии Н. И. Новикова. Как известно, Екатерина II свободно перелагала в своих пьесах произведения европейской драматургии — комедии Кальдерона, Шеридана, Шекспира и другие.¹⁴ Комедия Лессажа содержит один потенциальный сюжет, который Екатерина могла развить в своей пьесе. Отвечая на вопрос господина, где он был целый месяц, Криспин рассказывает, что с одним дворянином собирал долги, «но не все так делалось, как хотелось».

Екатерина придала своей комедии политическую направленность, которая легко угадывалась. Храповицкий, переписав пьесу набело, заметил, возвращая ее Екатерине, что Криспин в рассказе о морском сражении лжет более правдоподобно, чем принц Чарльз¹⁵ (т. е. Карл Зюдерманландский, брат Густава III). Однако вряд ли следует считать, что в образе Бонтана Екатерина изобразила Густава, а под Криспином подразумевала Карла, как полагал К. В. Покровский.¹⁶ В этой комедии она имела в виду не личности,

¹² Сочинения императрицы Екатерины II с объяснительными примечаниями А. Н. Пыпина. Т. 4. СПб., 1901. С. 45.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Варнеке В. В. История русского театра. Изд. 2-е. СПб., 1914. С. 255—261.

¹⁵ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 140.

¹⁶ Покровский К. В. К бытовой истории Эрмитажного театра императрицы Екатерины II. М., 1907. С. 16.

а нравы. Екатерина высмеивала парадоксальную ситуацию, при которой побежденные объявляли себя победителями. Когда эта ситуация повторилась в следующем году, после морского сражения русского и шведского флота при Свенсксунде, комедия опять стала актуальной, и 14 декабря 1789 г. ее играли на Эрмитажном театре.

Намерение сделать Густава III главным героем литературного произведения в русском духе окончательно сформировалось у Екатерины II еще раньше, в июле 1788 г. Об этом можно судить по записям в дневнике А. В. Храповицкого. 29 июля она читала ему начало комической оперы «Кослав»: «Тут представляется приготовление на войну короля шведского. Не знаю, как кончу, вчера только написала, чтоб разбить мысли».¹⁷

Намерение укреплялось по мере получения сведений о действиях шведского короля и об отношении к ним других заинтересованных сторон. 9 сентября Екатерина получила из Дании депешу с выдержками трактата датского министра иностранных дел А. П. Бернсторфа, в котором он обвинял шведского короля в вероломстве против нации и соседних государств, ратовал за восстановление в Швеции прежней конституции и заключение мира не с королем, но с нацией. Императрица не могла скрыть своего сожаления и раздражения: «Наши дураки, в Иностранной коллегии присутствующие, слыша от меня все сие, не могли так написать: не думая о делах, проводят время только с девками».¹⁸

14 сентября Екатерина читала в Берлинских газетах «Изъяснение» шведского короля от 10 июля, в котором он вменил в вину России развязывание войны. На следующий день она велела сделать копию с трактата Бернсторфа, а через четыре дня ею был подписан указ о переводе всех шведов, находящихся в Москве, в Калугу из-за «предосудительных разглашений». Читая немецкие газеты 21 сентября, Екатерина возмущалась высказываниями шведского короля, «дающего хороший вид худым делам своим».¹⁹ 28 сентября в Петербурге было получено донесение из Копенгагена от А. И. Крюденера, русского министра в Швеции, о продолжительном разговоре Густава III с французским послом Л. М. де Поном. Разговор якобы завершился тем, что Густав, упрекаемый Де Поном за скрытность по отношению к французскому королю и вступление в войну с Россией, не заручившись поддержкой других держав,²⁰ заплакал и воскликнул, что отдает себя в руки короля Франции. Екатерина смеялась: «Это настоящая комедия!»²¹

¹⁷ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 151.

¹⁹ Там же. С. 157.

²⁰ Леннрут Э. Великая роль. С. 279—281.

²¹ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 163.

В первые дни октября императрица закончила написание возражений против шведской Декларации,²² которые были изданы в Петербурге по два раза на русском, немецком и французском языках, неофициально распространялись среди иностранцев при русском дворе и были посланы в Париж, Лондон и Голландию. Возражения Екатерины, помещенные параллельно тексту шведской декларации, значительно пространнее. Оба текста полны упреков, обвинений, желчных замечаний.

Категорическое неприятие Екатериной II политической игры, ведущейся шведским королем, стало для нее импульсом к созданию нового драматического произведения. С сентября до декабря 1788 г. Екатерина II почти ежедневно была занята сочинением сказки о юноше, возмнившем себя героем. Параллельно шла работа над ее драматургическим вариантом.

Задуманный литературный образ Густава постепенно приобретал карикатурные черты, чему способствовали и некоторые замечания приближенных к императрице лиц. Граф В. П. Мусин-Пушкин «сказывал, что король шведский и брат его Карл носят усы, как коты».²³

В основу сюжета была положена сказка о «Фуфлыге богатыре», очевидно, один из вариантов сюжета «Лгун в честной компании».²⁴ Имя Фуфлыга было отвергнуто. Оно означало невзрачного, малорослого человека.²⁵ По мнению Храповицкого, которому было поручено сочинить арии для оперы, имя героя должно было выйти из его характера. Так появилось имя Горобогатырь с отчеством Косометович (то есть метящий косо, не попадающий в цель), намекающим на отца Густава III Адольфа-Фридриха и его военные неудачи. В качестве других источников Храповицкий поднес Екатерине «Езду в остров любви» и «Деидамию» В. К. Третьяковского, а также трагедию М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» (Храповицкий называет ее «Мамай»). У Ломоносова Екатерина II позаимствовала, вероятно, идею вымышленного похода и сравнение героя с былинными богатырями. Упражнения Селима в стрельбе из лука напоминали богатырские забавы, о которых говорится в былинах. Сочинения Третьяковского, судя по всему, не понадобились. К началу декабря Храповицкий переписал начисто текст готовой оперы, сделал некоторые стихотворные «прибавки».

Манеру исполнения своего нового драматургического произведения «Горобогатырь Косометович» Екатерина II определила как

²² *Екатерина II*. Примечания и исторические объяснения на Объявление е. в. короля шведского, изданные в Гельсингфорсе в 21 день июня 1788 года. С приложениями. СПб., 1788.

²³ *Храповицкий А. В.* Дневник 1782—1793. С. 168.

²⁴ Варианты сюжета см.: *Malek Eliza*. Русская нарративная литература XVII—XVIII веков. Łódź, 1996. С. 83—84.

²⁵ *Даль В.* Толковый словарь. Т. 4. Р—V. М., 1980. С. 540.

«бурлеск»: «надобно играть живее и развязнее. И в том costume, как играют Мельника».²⁶ Комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1772) по-прежнему имела успех у зрителей.

Новая пьеса в полной мере дала выход нарастающему раздражению, которое испытывала императрица по отношению к Густаву III в течение нескольких месяцев. Теперь необходимость соблюдать видимость доверительных дружеских отношений отпала.

Оперу «Горебогатырь» нельзя рассматривать в ряду других произведений этого жанра. Не случайно любовная линия в ней едва намечена и является лишь данью традиции. Ирония и сарказм в построении сюжета и характера главного героя, тенденциозность в его изображении в сочетании с исторической точностью рисуемых сцен придали опере характер памфлета.

Для того чтобы сделать гротескный образ Горебогатыря узнаваемым, Екатерина включила в текст множество вполне прозрачных намеков на реальные события, поведение и внешний облик Густава III. Так, падение Горебогатыря с коня во втором действии оперы напоминает о неприятности, случившейся со шведским королем 4 июня 1783 г., когда он сразу после приезда в Финляндию для встречи с Екатериной II во Фредриксхамне производил смотр войск. Его лошадь испугалась, он упал на землю и сломал левую руку. Из-за этого встреча с императрицей была отложена и состоялась лишь 29 июня.²⁷ Екатерина писала тогда об этом происшествии Потемкину: «Нечего сказать, мой друг: вот довольно неловкий герой, который упал таким образом, маневрируя перед своими войсками».²⁸

Отъезд Густава на театр военных действий был преисполнен величественных театрализованных церемоний. Он был назначен на 23 июня, день отплытия Густава Адольфа на тридцатилетнюю войну. После заседания риксрода, учреждения новой степени ордена Меча за военные заслуги, сдачи на хранение короны и собственных бриллиантов Густав III выехал из дворца с идущими впереди алебардщиками, придворными пажами и государственными советниками, позади шли кронпринц, придворные дамы и двор.²⁹ Екатерина II, хорошо осведомленная о том, что происходило в эти дни при шведском дворе, писала Г. А. Потемкину 3 июля 1788 г.: «Король шведский себе сковал латы, кирасу, брасары и квиссары (приспособления для защиты рук и бедер. — *Е. К.*) и шишак с преужасными перьями. Выехавши из Стокгольма, говорил дамам, что он надеется им дать завтрак в Петергофе <...>. Своим войскам в Финляндии и шведам велел сказать, что он намерен превосхо-

²⁶ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 208—209.

²⁷ Леннрут Э. Великая роль. С. 136—137.

²⁸ Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769—1791 / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 170. Оригинал на франц. яз.

²⁹ Леннрут Э. Великая роль. С. 251—253.

дить делами и помрачить Густава Адольфа и окончить предприятие Карла XII <...>. Сего вероломного государя поступки похожи на сумасшествие».³⁰

Герой оперы Горобогатырь примеривает шишак Еруслана Лазаревича, но тот ему велик. Палица и меч-кладенец оказываются ему не по силам. Тогда конюший Кривомозг облакает Горобогатыря в «латы из картузной бумаги», а вместо шишака дает ему «пушистую шапочку на хлопчатой бумаге с журавлиными перьями».³¹ При этом Горобогатырь похваляется: «Разве я не то же могу делать и учинить, что другие дельвали? <...> Я наделаю великие и славные рыцарские и богатырские скосырства, каких еще очи не видали и слухом люди не слышали. Я Океан-море от края до края завоюю со всеми на оном находящимися островами пустыми и населенными <...> и как Океаном-морем завладею и помрачу славу всех богатырей, до сего бывших, тогда сделаю для вас великолепный пир на берегу Океана моря...».³²

А. Брикнер заметил, что опера содержит намек на внутренний раздор в лагере шведов в начале войны. Конюший Кривомозг и щитоносец Тороп нехотя отправляются в поход, они стараются напугать героя и заставить его вернуться.³³

Эпизод с одноруким стариком (в сказке и опере «безруким»), который поколотил ухватом и прогнал Горобогатыря из своей хижинны, также имеет фактическую основу. 18 июня 1788 г., еще до официального объявления войны, шведский отряд в 1700 человек под командованием барона Бернта Иоганна Гастфера окружил крепость Нейшлот на озере Сайме. Комендант Нейшлота инвалид секунд-майор Кузьмин с гарнизоном в 200 человек выдерживал осаду в течение двух месяцев при самых небольших потерях. По рассказам, однорукий Кузьмин на требование шведов отворить ворота крепости ответил: «Рад бы отворить, но у меня одна только рука, да и в той шпага».³⁴

В финальных сценах оперы Горобогатырь хвалится несуществующими победами: «Могу без хвастовства сказать, / Дел кучу храбрых доказать, / Низринул множество оплотов, / Везде и всех я победил, / Прогнал, разсыпал и побил...». Пьеса заканчивается хором, в котором в соответствии с законами жанра комической оперы сформулирована ее мораль: «Пословица сбылась: / Синица поднялась, / Вспорхнула, полетела, / И море зажигать хотела, / Но море не зажгла, / А шуму сделала довольно».³⁵

³⁰ Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 299—300.

³¹ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб., 1901. С. 494.

³² Там же. С. 487—488.

³³ Брикнер А. Комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь» // Журнал министерства народного просвещения. 1870. Ч. 152. С. 184.

³⁴ Бородкин М. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. С. 135—136.

³⁵ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 2. С. 509—510.

Русская императрица сделала предметом насмешки самую болезненную и самую уязвимую черту Густава III — его честолюбие. Осуществление главной цели его жизни — самоутверждение в качестве достойного преемника великих королей Швеции — не только ставилось под сомнение, но и грубо осмеивалось.

После пробного спектакля, устроенного 28 декабря для графа А. М. Дмитриева-Мамонова, который одобрил музыку к опере, написанную В. Мартини, и нескольких репетиций было решено дать оперу в Эрмитажном театре для узкого круга лиц. Премьера состоялась 29 января 1789 г. Опера имела успех, и через день ее повторили для цесаревича. Зрители, среди которых были австрийский посол Л. Кобенцель и французский посланник при петербургском дворе Л.-Ф. Сегюр, легко догадались, кого изобразила Екатерина в своей пьесе. Вопреки опасениям императрицы, спектакль им понравился. По отзыву Сегюра опера стала деликатным, шутивным ответом на наглые манифесты и декларации.³⁶

На спектакле, состоявшемся 5 февраля, присутствовал приехавший накануне Г. А. Потемкин. Он не одобрил намерения играть «Горебогатыря» на публичном театре. Обнародование литературного произведения с многочисленными оскорбительными намеками на короля Швеции могло вызвать нежелательные последствия. Повидимому, по тем же соображениям «Сказка о Горебогатыре» и опера были напечатаны с указанием вымышленного автора. В обращении к читателю, написанном Храповицким, говорилось, что сказка списана «от слова до слова с рукописи, находившейся прежде сего в престольном граде на одном только пролетном кружале³⁷ во хранилище рукописей (то есть в бауле) славного целовальника питунам отменно любезного Ивана Ефимова сына Краснобая...»,³⁸ а местом, где происходили описываемые в сказке события, был назван Арзамас.

В конце апреля 1789 г., по просьбе Н. П. Шереметева, было разрешено играть пьесу в Москве, «а здесь для министров иностранных неловко».³⁹ «Горебогатыря» играли еще 12 июля в Царском Селе, а 12 сентября в Эрмитаже для К.-Г.-Н. Нассау-Зигена, успешно командовавшего русским галерным флотом в морском сражении 13 августа при Свенсунде.

Несмотря на предосторожности, шведский посланник в Петербурге Стединг узнал, что русская императрица сочинила оперу, в которой Густав был осмеян. Он написал об этом королю и выразил надежду доставить ему экземпляр этого сочинения. Неизвестно, удалось ли ему это.⁴⁰

³⁶ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 247.

³⁷ Т. е. в питейном доме.

³⁸ Сказка о Горебогатыре Косометовиче и Опера комическая из слов скаски составленная. СПб., 1789.

³⁹ Храповицкий А. В. Дневник 1782—1793. С. 278—279.

⁴⁰ Брикнер А. Комическая опера Екатерины II «Горе-богатырь». С. 186.

С изменением политической ситуации комическая опера Екатерины II потеряла актуальность. Но благодаря чуткому к языку Г. Р. Державину в поэзию вошел парадоксальный и вместе с тем емкий образ «горобогатыря», как человека, чьи представления о себе не соответствуют действительности или чьи намерения расходятся с истинными возможностями. В стихотворении «На счастье» (1789) Державин с грустной иронией замечает: «А ныне пятьдесят мне было, / Полет свой счастье пременяло, / Без лат я Горобогатырь».⁴¹ Этот образ как нельзя лучше соответствовал представлению о переменчивости судьбы: «Нас Фортуна часто учит / Горем быть богатырем» («К Евтерпе»)⁴² Позже название «Горобогатырь» Державин дал своему стихотворению, посвященному Наполеону. К Наполеону было обращено и незаконченное «Послание от Фортуны к Горюбогатырю», обнаруженное Я. К. Гротом в бумагах Державина.⁴³

Литературная война велась с обеих сторон. В то время как Екатерина II формировала общественное мнение, ограничившись достаточно узким кругом придворных, Густав III организовал антирусскую пропаганду среди населения Швеции и в шведской армии. По его заданию французским журналистом Ж. Малле дю Паном был написан антиекатерининский памфлет, переведенный на многие языки. В нем говорилось о русской угрозе политическому равновесию в Европе, исходящей от Екатерины II. Памфлеты, басни, сатирические стихотворения, патриотические песни призваны были оправдать агрессию Швеции против России, внушить необходимость национального сплочения, единения шведов и финнов перед лицом врага.⁴⁴ В октябре 1788 г. было напечатано стихотворение «В отставку малодушных офицеров», в основу которого положено подлинное письмо полковника Маннерсканта к брату. В нем называлась изменнической пропаганда по отделению Финляндии от Швеции. Стихотворение неоднократно переиздавалось и распространялось в армии. Тогда же свое участие в пропагандистской войне принял шведский поэт Бенгт Лиднер стихотворением «Ода к финскому солдату», в котором он призывал к отпору измене.⁴⁵ В Швеции переиздавались книги, опубликованные накануне русско-шведской войны 1741–1743 гг., в которых Россия изображалась коварными жестоким врагом.⁴⁶

Антишведская пропаганда велась в России в это время исподволь. Политическим целям служили опубликованные в 1788 г. многочис-

⁴¹ Сочинения Державина. Т. 1. СПб., 1864. С. 253.

⁴² Московский журнал. 1791. Ч. 2. С. 3.

⁴³ Сочинения Державина. Т. 3. СПб., 1886. С. 531—534.

⁴⁴ Кан А. С. Россия и русско-шведские отношения в освещении шведской публицистики «эры свободы» и густавианского времени // Скандинавский сборник XXVI. Таллин, 1981. С. 99—109.

⁴⁵ Леннрут Э. Великая роль. С. 294—295.

⁴⁶ Люстров М. Ю. Русско-шведские литературные связи в XVIII веке. М., 2006. С. 177.

ленные переводные и оригинальные сочинения о Петре I, победителе шведов и Карла XII. Были напечатаны части 1—6 и часть 10 «Деяний Петра Великого...» И. И. Голикова. Остальные части (7—9 и 11—12) вышли в 1789 г. П. И. Богданович издал перевод первой главы из второго тома книги П.-О. Аллеца о знаменитых монархах «Краткое описание жизни и славных дел Петра Великого, первого императора всероссийского». Его иждивением была напечатана «Записная книжка любопытных замечаний великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697 и 1698 году», письма Петра I к брату Иоанну Алексеевичу и патриарху Андриану. Он также перевел с английского языка «Беседы душ великих и малых людей» Дж. Литтлтона, в числе которых был диалог «Петр Великий и Лудовик Четвертый надесять». Вторым изданием была напечатана книга А. Катифоро «Житие Петра Великого <...> собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных...» в переводе с греческого языка С. И. Писарева. Был посмертно издан (двумя тиснениями в 1788 и 1789 гг.) труд новгородского дворянина П. Н. Крекшина, служившего при Петре I, «Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого... представленное разговорами в царстве мертвых». Годом раньше было опубликовано написанное им «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский престол... Петра Великого». В 1788 г. были напечатаны также составленные Ф. О. Туманским «Полное описание деяний... Петра Великого» (ч. 1) и «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя имп. Петра Великого» (ч. 8—10). Тогда же были опубликованы в новом переводе «Анекдоты о императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные... Яковом Штелиным». Упоминания о победах Петра I над шведами стали общим местом всех антишведских литературных произведений.

Политическим целям служил и переведенный И. Петровским с немецкого языка трактат К.-И. Ингмана «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру с историческим описанием бывшей войны между Густавом Адольфом, королем шведским, и Сигизмундом, королем польским, и с кратким известием начавшейся вскоре после того в Германии тридцатилетней войны за веру» (М., 1788). В предисловии переводчик сравнивал Банера с П. Паниным, прославляя русского военачальника, причем Банер представлен не прототипом, а подобием Панина.⁴⁷

В то же время что и опера Екатерины II была написана не замеченная до сих пор исследователями комедия в двух действиях

⁴⁷ Лустров М. Ю. «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру» И. Ингмана в России // Книга и мировая цивилизация. Материалы одиннадцатой Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. В 4-х т. Т. 2. М., 2004. С. 147—148.

«Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург», сохранившаяся в единственном списке.⁴⁸ Рукопись двух почерков форматом в лист насчитывает 21 лист текста (20 старой пагинации) на голубой бумаге. Последний лист оборван с середины страницы после слов «Конец всей комедии». На обороте его просматривается полустершаяся нечитаемая приписка. Текст комедии помещен в картонный переплет. На его корешке имеются наклейки: посредине корешка: «60», внизу: «Отдел IV. № 105». На внутренней стороне обложки экслибрис: «Из библиотеки графа Ф. А. Толстова» с пометой: «Отдел IV. № 105».

Рукопись принадлежала тайному советнику, сенатору Федору Андреевичу Толстому (1758—1849), который владел большим собранием славяно-русских рукописей и старопечатных книг. IV отдел его библиотеки состоял из рукописей новейшего времени в лист.⁴⁹ К сожалению, описание библиотеки, составленное К. Калайдовичем и П. Строевым, в разделе IV заканчивается № 75. Не включена комедия ни в «Первое прибавление к описанию рукописей Ф. А. Толстова»,⁵⁰ ни во «Второе прибавление».⁵¹

На титульном листе сделана надпись черными чернилами: «Сочинил А. Л.». Ниже другим почерком и другими, коричневыми, чернилами сделана приписка, уточняющая имя автора: «Александр Левшин», с пояснительным текстом: «Сей Левшин был сын Успенского в Москве протопопа Александры Егорыча и племянник почтенного архиепископа Платона. Для смеху доставлена от комисарского секунд-майора секретаря Василья Иваныча Петрова». В нижней трети листа черными чернилами сделанная и зачеркнутая надпись: «О чем правду говорит пословица каково дерево таковы вот и отроски». Судя по содержанию комедии, эту приписку можно считать своего рода эпиграфом к ней. Под «деревом» подразумевался Густав III, а под «отростками» — его офицеры, действующие лица комедии.

Упомянутый В. И. Петров в 1780—1790-е гг. действительно служил в кригс-комиссариате (военном ведомстве) коллежским секретарем. Чин секунд-майора он получил в 1793 г.⁵² Текст комедии не раньше этого времени был передан им Ф. А. Толстому, который, по-видимому, и сделал уточняющие приписки.

⁴⁸ ИРЛИ. Р. II. Оп. 1. № 224.

⁴⁹ *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825.

⁵⁰ *Строев П.* Первое прибавление к описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке <...> графа Ф. А. Толстова. СПб., 1825.

⁵¹ *Строев П.* Второе прибавление к описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке <...> графа Ф. А. Толстова. М., 1827.

⁵² Адрес-календарь российский <...> на <...> 1794 г. С. 65.

Однако комментарии, указывающие имя автора комедии, порождают новые вопросы.

Александр Егорович Левшин, протоиерей Большого Успенского собора и историк Церкви имел трех сыновей: Андрея, Владимира и Льва. Выпускники Московского университета, они в 1797 г. поступили на гражданскую службу при покровительстве князей Александра Борисовича и Алексея Борисовича Куракиных⁵³ и к 1814 г. имели чин титулярных советников.⁵⁴ В 1817 г. они получили дворянское звание с пожалованием диплома и герба.⁵⁵ Сведений о том, что они занимались литературным трудом, нет.

Имя Александра Александровича Левшина носил провинциальный секретарь, который перевел с французского языка комическую оперу «Пивовар, или Кроющийся дух». Она была напечатана в 1788 г. и, по-видимому, шла на сцене в Москве.⁵⁶ Некий Левшин Александр, поступивший на службу в 1769 г., в 1786 г. получил чин коллежского секретаря и служил, по крайней мере до 1788 г., в Харьковском наместническом правлении.⁵⁷ Однако также нет достаточных оснований считать кого-либо из них автором комедии «Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург».

Действие пьесы происходит в Петербурге во время русско-шведской войны. Указание «Действие в Москве» не соответствует ее содержанию. Главные герои комедии — шведские тайные агенты.

Скрытые методы политики, которыми пользовались и русское и шведское правительства, особенно активизировались в критические периоды истории.

Так, например, в 1774 г. в Санкт-Петербург был прислан Кристофер Ханелл, шведский поэт и шпион, имевший младшее офицерское звание в финских артиллерийских войсках. Ему было поручено выяснить, насколько восстание Пугачева ослабило оборону финской границы. Шведы считали, что оттуда было отозвано много полков. Ханелл установил, что это ложные слухи. В 1788 г. шведский офицер Фредрик Людвиг де ля Миль в качестве курьера шведского посольства должен был доставить в Стокгольм полный список русского флота и описание укреплений на суше, которые были получены от русского офицера, склоненного им к предательству.⁵⁸

⁵³ РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. № 608. Л. 14—14 об.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. № 265. Л. 1—3.

⁵⁵ Московские ведомости. 1817. № 1.

⁵⁶ *Флоринская Ю. Ф.* Левшин Александр Александрович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. С. 197—198.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 286. № 856. Л. 663. Послужной список Харьковского наместнического правления.

⁵⁸ *Магнус фон Платен.* Визиты шведов в Санкт-Петербург времен Екатерины II // *От войны к миру. Россия—Швеция. XVIII век. Каталог выставки 28 апреля—12 сентября 1999 года*. Вып. 3. Дипломатические отношения. СПб., 1999. С. 43—45.

В комедии показаны неудачные попытки шведской стороны вести войну тайными методами.

Шведский маршал Жандр и офицер Лукс прибыли в Петербург «для точного и лучшего обозрения трудных пред сим городом крепостей» (л. 9 об.). Красота города вызывает их восхищение.

Автор комедии не погрешил против истины. Петербург действительно производил сильное впечатление на иностранцев. Лоренц Норденадлер составил в 1789 г. «Заметки шведского офицера, сделанные во время его пребывания в России в 1784, 1786 и 1787 годах». Будучи приговорен в Швеции к смертной казни, он бежал в Россию и служил в русской армии, главным образом в Ревеле, а также в Петербурге. Позже он был помилован и вернулся в Швецию. В «Заметках» о Невском проспекте говорилось: «Он заставил меня испытать головокружение и изумление, подобное тому, что испытывают наши фермеры из Смеланда, впервые оказавшись в незнакомом месте <...>. Швед в Санкт-Петербурге во многом напоминает сельского жителя, который приехал в столицу и чувствует себя совершенно ошарашенным».⁵⁹

В залах Академии художеств герои комедии — шведские офицеры — надеются увидеть план Петербурга. Исподтишка наблюдают они за инспектором и учениками, копирующими портреты русских царей. Инспектор, беря в руки портрет Петра I, рассказывает ученикам о его умении «побеждать и сохранять», его стремлении «раздать для подданных своих благополучие и посеять на российских полях славу». Шведские офицеры убеждаются, «сколько российские подданные верны и усердны к своим государям», а затем в разговоре с инспектором утверждают во мнении, что в России «науки в великом почтении» (л. 3 об.).

Шведы знакомятся с российским офицером Храбровым. Они хотят скрыть от него истинные намерения своего пребывания в Петербурге, объясняя, что из любопытства странствуют по разным городам, а теперь любуются красотой Петербурга. Однако Храбров догадлив: «Влюбиться еще и по одной наслышке в него можно, а взять его так трудно, как земле соединиться с небом <...>. Вас наши российские мечи секут, рубят, жгут, топят, заманивают в леса, как глупеньких и косеньких зайчиков. Ох вы, победная птица-синица» (л. 8 об. — 9).

Размышляя, шведские офицеры начинают сомневаться в могуществе короля и необходимости осуществления своих намерений: «Захотел ты ума найти в нашем короле. Его совсем нет, а только одна пустая надежда на обольщение со стороны черных островов. <...> Король наш как рыба об лед бьется. Он теперь желает в рассуждении своего начала хотя бы помело, да на ум навело». Они вынуждены

⁵⁹ *Магнус фон Платен*. Визиты шведов в Санкт-Петербург времен Екатерины II. С. 44.

признать, что Россию «целая Европа почитает всегда храброю», а выступление шведского короля против российских героев «возымает опасное и невозвратимое раскаяние» (л. 5—6).

Храбров смеется над намерением Густава III захватить Петербург: «Какая пустая и безрассудная надежда, поэтому он влюбился в пленяющий Петербург. Ай, Петербург, молодчик, сколько ты наделал шведу хлопот и убытку, верно я теперь скажу, что швед по тебе сойдет с ума, если ты ему не достанешься». Он предлагает шведам забыть свою присягу королю и «выкинуть из головы должную общественную к нему верность». Они соглашаются: «Ваша российская императрица имеет ко всем государствам какие-то магические ключи, коими навсегда и всякого неприятеля может своим великодушием и милосердием отпереть сердца и взять в приятный для него полон, поэтому мы предаемся под ея державу и мудрое правление» (л. 9—10 об.).

Тайные агенты разоблачены, но довольны исходом дела. В разговоре между собой они признают превосходство российских воинов: «Их каждый шаг основан на прямой мужественной храбрости <...>. Сколько они пылки и остры в мыслях <...>. Счастлива при премудрости своей великая Екатерина, когда имеет столь любезный и пронизательный народ» (л. 11—11 об.).

В конце первого действия намечается дополнительная сюжетная линия, призванная усилить основную. На сцене появляется Преза, жена шведского купца Гелисана. Она в отчаянии, так как муж разорен. Хлеб, который он покупал у российских купцов, теперь нельзя купить и втридорога: «Вот что наш король с своим умком наделал. Захотел ссориться с тем народом, которого одни взгляды должны страшить всякого человека». Гелисан согласен с ней: «Ужо посмотри, как король та будет наш расплачиваться с Россиею, право теперь ему приходиться в тупик, что и некуда ступить» (л. 12—12 об.).

Второе действие комедии происходит в доме российского купца Барова. Здесь поселились шведские офицеры. Красота Зарры, дочери купца, поразила их: «За одну ее красоту можно отдать наше королевство России» (л. 14). Жандр сватается к ней. Однако любовная линия в комедии, как и в опере Екатерины II, лишь намечена.

Храбров и российский полководец Победителей размышляют о том, что любые неприятели России со временем вынуждены бывают признать ее величие. Они с сарказмом отзываются о Густаве III и его армии: «Как, братец, и пыщиться такой маленькой пылинке, каков есть слабый и дряхлый Густав, он бы <...> накупил лык да мочал и своей неустрашимой армии соблюдая казну поделал бы лапти и плащи с модными нынешними воротниками, а конницу бы ими одел бы вместо бархатных попон, да и то сказать, теперь ему и не так жаль летающей часто по болотам армии, иной без ноги, иной без руки, иной без глазу, иной с жару потерял последний тесак, у иного ранены сапоги, у инова спален абалет, у инова с страху

треснул на шляпе лак, у инова с сильного напряжения к ревности лопнула к несчастью его протупея. Куды мне жаль этого бедного Густава, сколько он должен испортить теперь в себе фунтов крови, повредить коликою свой желудок, и сколько нужно будет тогда искусство господ докторов для очищения кровочистительными порошками густавава желудка».

Автор комедии обнаруживает осведомленность о попытках Швеции получить турецкие субсидии для ведения войны с Россией. Победителей говорит о шведах: «Посылайте как можно скорее посланников просить милости у красных ширавар, однако те вить и сами, бедные, не рады теперь бритым своим головам от российского огня» (л. 14 об.).

Переговоры о турецкой финансовой помощи Густав III вел с февраля по апрель 1788 г. В конце июня он получил донесение представителя шведского посольства в Турции Г. Ю. Хейденстама, что Порта отказала в субсидиях.⁶⁰ Лишь через год, 30 июня 1789 г. был подписан договор, в соответствии с которым Турция обязалась выплачивать Швеции по миллиону пиастров в год до тех пор, пока будет продолжаться война, и десять миллионов после ее окончания.⁶¹ Однако слухи о том, что Швеция получила от Турции деньги на ведение войны, стали распространяться уже в мае 1788 г.⁶² Тема турецкой финансовой помощи, как и упоминания о Петре I, стала одной из важнейших в антишведской литературе того времени.

Офицер Храбров уверен в победе российского войска: «Ах, эти нам безмозглые парики <...>. Верно я знаю, что наши русские армейские парикмахеры скоро могут убавить шведского из них вкусу. Ох вы, вороныи головушки, где вам своим протухлым войском получить желаемое. Не очевидно ли вы несчастливы, что вам собственные природные отечественники изменяют и дают нам знать, какими оружейные ваши палаты набиты вещами. Теперь сказывают, будто не последнее место в них занимают как то касари, топоры раненые, тесаки простреленные, в бывшую войну ружья изувеченные об российские сабли, гранадерские шишаки изнемогшие, королевские латы, болящие от ветхости протупеи» (л. 15 об.). «Ему (Густаву. — Е. К.) еще надобно поучиться лет десятка два правлению, а то теперь запутался, как слепая курица, и не знает, что делать» (л. 19 об.).

Шведские офицеры, получают письмо от своего короля, который узнал об их измене. Он грозит: «...Ваша неверность наказана будет руками самого Густава». Эта угроза вызывает насмешливое удивление Храброва: «Уж ли у вас король-та сам дерется?» Сцена

⁶⁰ *Леннрут Э.* Великая роль. С. 241—242.

⁶¹ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 653.

⁶² См. письмо Екатерины II к Потемкину от 27 мая 1788 г. // Екатерина II и Г. А. Потемкин. С. 288.

заканчивается куплетами, которые поют вместе Храбров, Баров и его жена Насса:

Алтына б два-три заплатили,
Хоть на ботике бы поплыли
Лишь Густава посмотреть
И во драке обозреть.

Он гневом, слышно, так,
Как злая Ега-баба.
Штыками он не бьет и дробью не страшает,
Железным кесарем, дубиной всех пугает.

Он бегаёт вокруг всех, исподницу поправляет,
Невинных шпагою зацепляет.
Мундир со страху весь трещит,
Как он когда брюжжит.

Добро б бранился он с своими,
Подрасться хочет и с чужими.
Ах ты, простая ворониха,
Насильно себе ищет лиха.
Жалеем мы тебя,
Попеняй сам на себя.

(л. 20—20 об.).

Так в опере обнаруживается стилевая двуплановость. При общей ориентации на драматургическую традицию профессионального театра в ней используются приемы народной драматургии в изображении главного, хотя и остающегося вне сцены комедийного персонажа — шведского короля. Психологическая характеристика героя дается «внешними» средствами — его склонностью к рукоприкладству.

Комедия завершается монологом Храброва, продолжающего высмеивать Густава III и предрекать ему всяческие беды. Вариативность этого монолога, перечисление и нагнетание ожидающих Густава бед также напоминают стилистические формулы, типичные для народной драмы и встречающиеся, например, в пьесе об Анике-воине⁶³: «...а что касается до короля, то он с своим верховым объездом заслужит имя российского исправного драгуна, а по искусству его езды может годиться он в хорошие берейторы, а оставшая его последняя пехота и конница скоро увязнет в болото, а другая переломает ноги в лесах, вышедшие же его в море струга, думаю, скоро очутятся близко петербургской крепости, следовательно, право, такому королю лучше советую воевать с курами, нежели с Российскими воями.

⁶³ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 102—103.

Россия столь славна, что могла довести до того, чтобы шведы могли влюбиться в пленяющий Петербург и самовольно сделаться российскими верными поддаными».

Комедия «Влюбленный швед, или Пленяющий Петербург» стала одним из первых литературных произведений, в котором образ Петербурга играл особую сюжетообразующую роль. Однако она, по-видимому, не имела сценического воплощения.

Влияние оперы Екатерины II ощущается в сатирической поэме В. П. Петрова «Приключение Густава III, короля шведскаго 1788 года июня 6 дня», которая, по свидетельству «Словаря» Евгения (Е. А. Болховитинова), была издана в Москве в количестве 50 экземпляров и распространялась в списках.⁶⁴ Оно обнаруживается в просторечном стиле поэмы; в нарочито сниженном образе Густава, который «для безопасности от пуль» оделся «в латы, как в крепостенные палаты», а оказался «шишимора, не воин», да и вовсе «слаб умом»; в точном следовании историческому факту: дата, указанная в заглавии поэмы, это день морского сражения у острова Гогланд. В то же время поэма Петрова стала одним из первых русских оригинальных произведений в жанре «Разговора в царстве мертвых», точнее, одной из его разновидностей.

Тема поэмы — военное сражение и его последствия — резко контрастирует с характером изложения, что заявлено уже и в заглавии: морская битва названа «приключением». С первых строк о Густаве говорится в сниженном тоне: он «оделся в латы, как в кожу льва осел». Осел, «во львиной коже гордящийся», посрамляемый другими зверями, — комический персонаж, восходящий к басням Эзопа.⁶⁵

В том же тоне описывается сражение и позорное отступление шведов: «Густав велит налечь / И не жалеть картечь, / Усталым снова жар вдыхает / И силой в бой увечных пхает. / Но тщетны все труды, / Густаву в драке нос разбили до руды...».

Образ Густава неожиданно теряет карикатурность и обретает выразительные черты, когда Петров хочет показать душевную драму шведского короля, потерпевшего поражение и все-таки мечтающего о реванше. Он «искал уединиться <...> встал, как вкопанной и голову повесил <...> погрязнул в думу, не раз свои полки пересчитал и средства разные, томясь, изобретал».

Внезапно перед Густавом, «обоймя его, как человек живой», предстает тень Карла XII. Автор поэмы психологически точно изображает разговор деда и внука, их взаимное непонимание, переходящее в ссору. Карл XII сетует, что Густав нарушил мир между

⁶⁴ В списке ИРЛИ. 23. 475. На л. 9 об. приписка: «Сочинил Василий Петрович Петров, придворный библиотекарь. Напечатано было только 20 экземпляров».

⁶⁵ Шарыпкин Д. М. Шведская тема в русской литературе петровской поры // Русская культура XVIII века и западно-европейские литературы. Л., 1980. С. 52—53.

Швецией и Россией, установленный во времена Петра I. В разговоре проясняются внутренние мотивы, подтолкнувшие Густава к войне: его непомерное честолюбие: «Мне мало трона суеты, / Мне сфера надобна пошире, / Повыше почести амвон, / Чтоб виден был я в целом мире / И все б, уставя перст, кричали: вон он, он!»

Изображая шведского короля, автор поэмы использует приемы, типичные для драматического театра, когда герой характеризуется через его сценическое поведение. Густав ведет себя нелепо, как комедийный персонаж. Желая произвести впечатление на деда, он «как солдат пред тенью выступает, / Бросая ноги вверх, бьет крепко о землю ногой, / Движенья разнотой почтение себе у деда покупает».

В поэме говорится и об экономических предпосылках ведения войны — оказанной Швеции финансовой помощи Турцией: «Льшусь русских разметать, как чурок, / Тем занят, весь на то иду, / Мешками золота от турок / На их подкуплен я беду».

Известно, что Густав III мечтал обрести славу, равную славе своего деда. Карл XII, втянувший Швецию в Северную войну (1700—1721), оставался любимым национальным героем, несмотря на то что война закончилась для Швеции потерей владений к востоку и югу от Балтийского моря и юго-восточной части Финляндии. Народная память и поэзия возвеличили его, окружили ореолом неувядаемой славы. В шведских панегириках 1788—1790 гг. Густав III изображался новым Карлом XII.⁶⁶ Поэтому насмешки Карла XII над Густавом III в поэме выглядели особенно язвительными, а его упреки обидными. Карл XII обвиняет внука в том, что он ведет позорную войну, воюет «на взятки», в то время как «шведская кровь» дороже «арабского золота». Он даже подозревает Густава в вероотступничестве: «Надень, надень чалму, / Поклонник магометов! И свету покажи всему, / Что первый ты для мзды обрезался из шведов. / Между даров тебе в честь прислан Алкоран, / Абдул и ты души не слышите друг в друге, / Великолепный он на юге, / Ты в норде маленький тиран!» Карл называет Густава «изменником отечества». В соответствии с жанром поэмы Карл видит в истинном свете прошлые события и предугадывает будущее. Он предрекает голод в шведской армии, неповиновение Густаву в войсках и ближайшем окружении, потерю реальной власти и суд совести, падение авторитета государства.

П. А. Ефремов в кратком историческом комментарии к публикуемой им поэме Петрова⁶⁷ истолковывает упоминаемые в ней волнения в шведской армии, как намек на Аньяльский союз — разговор офицеров финских полков, отказавшихся принимать участие в войне и подписавших в июне 1788 г. в Аньяле декларацию о на-

⁶⁶ Люстров М. Ю. «Монумент шведскому генералу Иоанну Банеру» И. Ингмана в России. С. 124.

⁶⁷ Библиографический сборник. Издание П. А. Ефремова. СПб., 1867.

мерении заключить сепаратный мир с Россией. Поэтому Ефремов считал, что поэма была написана в последней четверти 1788 г. Этим же годом, и по-видимому на тех же основаниях, датировал издание поэмы, опубликованной без указания места и времени, митрополит Евгений.⁶⁸

«Послание из Царства мертвых от Карла XII к ныне владеющему Густаву III, королю шведскому», опубликованное в 1789 г. в «Новых ежемесячных сочинениях» и в «Беседующем гражданине»,⁶⁹ содержит примерно тот же набор фактов и обвинений, что и поэма Петрова. Автор «Послания» посвятил его Е. Р. Дашковой, но пожелал скрыть свое имя, сообщив только, что «вздумал написать» его, «защищая отечество» во время пребывания «в северной армии».

В «Послании» Карл XII рассказывает Густаву, о чем говорят погибшие шведские воины, оказавшиеся по его вине в аду. Они глубоко оскорблены: «Тот, которого отцом мы почитали, к которому сердца любовью пылали», стал виновником их смерти. Солдаты обвиняют Густава в алчности, ставшей причиной войны: «Монаршие глаза червонцами пленились, / Которые ему Султан во мзду прислал». Карл объясняет внуку, что турки откупились своим золотом от смерти, вместо них воюют их деньги. Война опустошает Швецию, в стране голод. Упоминается Аньяльский заговор: «Уж фины за тебя не думают вступиться... / И правость россиян в сердцах своих твердят». Карл XII напоминает Густаву свое военное соперничество с Петром I («Полтаву вспомни ты, кровавый вспомни бой, там лаврами покрыт победы сей герой) и предостерегает его — ведь при Екатерине II Россия еще больше «процвела». Он советует довольствоваться существующими границами, дабы не прибавить к России «знатной части», тем более что ее война с Турцией идет успешно, «Очаков уже взят».⁷⁰ Характерны последние строки послания, в которых поражение Густава предстает исторически неизбежным: «Прости усердью, что к тебе сие пишу, / Ты знаешь, отчего я сам здесь не дышу».

«Послание» отличается выразительностью в изображении ужасов войны. Повсюду трупы «растерзанных солдат». «Стиксовы брега» оделись в шведские мундиры: «Синеют все поля, долины зажелтелись <...> везде лиется кровь из свежих еще ран». Российские пушки посылают шведов в ад «стадами»: «с фрегатов, с кораблей, как с почтою гоняют <...> и все увеченны».

В 1789 г. эпидемия тифа произвела опустошительное действие среди моряков шведского флота, командование которым принял герцог Карл. Несколько столкновений враждующих сторон не принесли окончательной победы ни одной из них.

⁶⁸ Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Ч. 2. С. 118.

⁶⁹ Новые ежемесячные сочинения. 1789. Ч. 34. С. 42—50; Беседующий гражданин. 1789. Ч. 3, дек. С. 368—371.

⁷⁰ Очаков был взят Г. А. Потемкиным 6/17 декабря 1788 года.

Крупное сражение между шхерными флотами состоялось 13 августа при Свенскунде. Русский шхерный флот превосходил шведский почти вдвое, но шведы имели лучшую артиллерию и более обученные экипажи. Шведы вынуждены были отступить и искать защиты под стенами крепости Свартхольмен. Густав провел энергичную пропагандистскую кампанию, приукрашивая поражение, которое истолковывал как временную неудачу. «Реляция» Густава была напечатана в «Гамбургских ведомостях». Екатерина ответила на это возобновлением представления «Горябогатыря». Кроме того, принц К.-Г. Нассау-Зиген опубликовал «Письмо его величеству королю шведскому и Опровержение на реляцию, ему приписанную...». В письме, которое было отредактировано Екатериной II, говорилось: «Когда Ваше величество в последний раз удостоивали меня Вашим письмом, то изъяснялись в оном сими словами: что Вы относитесь к воину, ищущему повсюду славу и честь <...> Но когда ищут чести, тогда не терпят ничего такого, что может заставить подозревать в справедливости, и не являют ничего такого, что не есть истина и что не может быть утверждено и доказано пред лицом Света, — таковой образ мыслей заставил меня с презрением читать в Гамбургской газете мнимую реляцию сражения, которое я имел честь выдержать против галерного флота Вашего величества. Сия реляция <...> во многих статьях совершенно противна истине <...>. Я считаю, что Вы были ужаснейшим образом обмануты полученными Вами донесениями...».⁷¹

В 1790 г. Густав III стал собирать силы, чтобы нанести решительный удар по Санкт-Петербургу. В начале мая, когда Балтийское море кое-где еще было сковано льдом, шведская эскадра предприняла попытку уничтожить часть русского флота, стоявшего в Ревеле. В стихотворении, описывающем эту битву, С. Бобров в образных выражениях изобразил могучую, ужасающую силу врага:

Вдруг Готфски львы свой рев пустили
Из медных жерл рыгая смерть,
Широки челюсти открыли,
Чтоб россов вдруг могли пожертв...⁷²

В другом поэтическом произведении «Оде посрамленный герцог Зюдерманландский, или Преславное отражение шведского флота, учиненное адмиралом Чичаговым 1790 года мая 2 числа» анонимный автор, «флота капитан», рассказал, как моряки, освобождая

⁷¹ *Нассау-Зиген К.-Г.-Н.-О.* Письмо его величеству королю шведскому и Опровержение реляции, которая была напечатана в гамбургских газетах; о морском сражении, бывшем 13 августа по старому стилю 1789 года, между галерным флотом шведским и флотом российским командуемым его светлости принцем Насау-Зиген. СПб., 1789.

⁷² *Бобров С. С.* Ода российскому адмиралу и разных орденов кавалеру Василью Яковлевичу Чичагову, на случай славного отражения шведскаго флота у Ревеля мая 2 дня 1790 года. СПб., 1790.

корабли из ледового плена, крушили лед «тяжкими громадами». В этом сражении был захвачен в плен шведский корабль «Принц Карл» с 64 орудиями на борту. «Принц Карл, путь предприав обратный, оставил имя нам свое», — говорилось в оде. Через несколько дней шведы безуспешно атаковали русскую гребную флотилию, стоявшую при Фридрихсгаме.

Крупное сражение между Кронштадтской эскадрой и главными силами шведского флота, начавшееся 23 мая, продолжалось два дня. От пушечных выстрелов, слышных в Петербурге, дребезжали стекла в Зимнем дворце.⁷³ Победа не досталась никому, но эта битва стала стратегическим поражением шведов, которые осознали невозможность по частям уничтожить русский флот.

28 июня произошло решающее сражение у Свенсксунда, где в предыдущем году шведы потерпели поражение. Теперь Густав ставил на карту все. Шведский флот находился в выгодном положении, так как его гребцы имели возможность отдохнуть перед сражением. Узкий вход в бухту не позволил русским воспользоваться численным превосходством. Кроме того, сильный ветер относил их суда назад. Шторм бросил русские шхуны на скалистые острова. По словам Густава, победу ему принесли «Господь, ветер и храбрость офицеров».⁷⁴ Это было первое крупное поражение России в войне со Швецией. К. Нассау-Зиген, посчитавший себя виновным в исходе битвы, просил предать его военному суду, лишиться чинов и прежних наград. Но Екатерина II велела адмиралу продолжать службу.⁷⁵

Сражение при Свенсксунде приблизило окончание войны. Несмотря на победу, шведский флот из-за потери линейных кораблей теперь значительно уступал по силе русскому флоту. Швеция была истощена войной. Обе воюющие страны нуждались в мире. 3 августа 1790 г. в селении Вереля по инициативе шведской стороны было подписано мирное соглашение, не предусматривающее каких-либо компенсаций и утверждавшее границу между странами там, где она и была до начала войны.

В «проекте речи Сената на шведский мир» Г. Р. Державин сформулировал официальную версию той противоречивой ситуации, при которой был заключен этот мир. Он писал, обращаясь к Екатерине II: «Хотя признаться, впрочем, должно, что иногда и шведы имели свои удачи, а особливо где им отменное счастье в непредвидимых случаях споспешествовало, как то по совершенном разбитии их большого флота самые стихии им паче их самих поборствовали, однако храбрость везде воинства твоего и твое неослабевающее о нем промышление превозмогли, преодолели, попрали все усилия расторопного и отважного твоего противника, который наконец вто-

⁷³ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 658—659.

⁷⁴ *Леннрут Э.* Великая роль. С. 358.

⁷⁵ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 659—660.

рично, крепчайшими оплотами, нежели в первый раз, совершенно был окружен и заперт. Ожидали только способного ветра и твоего мановения на конечное его истребление. Тут, по-видимому, охладел жар наступающего на нас героя; познал он, что россияне или паче дух Великой Екатерины никакими исполинскими противоборствиями непобедим. Едва успел он сие помыслить, едва преклонил пред тобою свое оружие, человеколюбие твое спешило простерть ему мирную и благодетельную твою руку. <...> Неукосненно побежденному твоему недругу даровала ты непостыдный мир, возвратила ему твою дружбу, спокойствие северу и блаженство несколько миллионам человеков».⁷⁶

Русская поэзия откликнулась на заключение мира со шведами многочисленными одами. В них воспевалась Екатерина II, прославлялись русские воины-победители, а бывший враг — шведский король — обретал статус друга и доброго соседа России. Излишне восторженный тон некоторых сочинений, их новая политическая установка дали повод для появления пародии. Д. П. Горчаков опубликовал стихотворение под названием «Велико-российская победоносная ода над шведами». Оно было напечатано за подписью «Иван Доброхотов Ч...», в которой инициал «Ч» обозначал бездарного стихотворца Чертополохова, действующее лицо комической оперы Горчакова «Щастливая тоня». Пародия начиналась словами: «Языцы ныне возгласите, / Смотря на страшну шведов казнь! / Руками громко воспещите, / Творя в сердцах своих приязнь...»⁷⁷ Но были и попытки понять причины этой войны, поэтическими средствами описать ее ужасы. А. В. Колмаков обвинял «мнимых мудрецов Европы» в том, что они «возжгли огонь войны», испугавшись растущей силы России.⁷⁸ О предательстве «змия» — шведа «неблагодарного», который «презрев родство», «от Порты закупаясь», «России гнусно изменил» говорилось в стихотворении Ап. Майкова.⁷⁹

В поэзии снова возникает символический образ льва, теперь поверженного. «О вы, носящи душу львину, / Герои, любящие бой!» — обращается Г. Р. Державин к шведским воинам. Он предлагает им сравнить «ужас, стон и крики» войны с радостями мирной жизни.⁸⁰

⁷⁶ Державин Г. Р. Сочинения. Изд 2-е. Т. 7. СПб., 1878. С. 219—223. Державин сочинил эту речь для старшего обер-прокурора Ф. М. Колокольцева, так как генерал-прокурор А. А. Вяземский был в это время болен. Однако на заседании Сената обер-прокурором П. В. Неклюдовым была зачитана другая речь, написанная П. В. Завадовским.

⁷⁷ Велико-российская победоносная ода над шведами. Б. м. и г.

⁷⁸ Колмаков А. Ода на торжество мира со шведами, заключеннаго в славное царствование великия Екатерины II. СПб., 1790.

⁷⁹ Майков Ап. На победы, одержанные всемошным оружием Российским в царствование Екатерины II. М., 1790.

⁸⁰ Державин Г. Р. Ода на высочайшее в Санктпетербург прибытие к торжеству о мире с королем шведским императрицы Екатерины II, 1790 года, августа 5 дня. СПб., 1790.

В другом стихотворении, «Хоре на шведский мир», Державин восклицает: «Орлы и львы соединились <...> Поцеловался с шведом росс». ⁸¹ Образно описывал наступивший мир П. А. Плавильщиков: «Достиг орлиныя любви пощады умоляющ лев. На лаврах уж растут оливы». ⁸² Для определения мира он использует неологизм: мир «Густавом преклоненно званный».

Шведский король, который перестал считаться врагом, в русской поэзии стал изображаться по-новому. Теперь в нем уже не находили прежнего величия, но видели человека с присущими ему слабостями, подвластного судьбе. Одна устойчивая литературная роль сменилась другой:

Густав на троне застонал,
Обманутый в своей судьбине,
С покорством шлет к Екатерине.
И сердце нежное, премудрая любовь,
Щадя и вражескую кровь,
Забыв изменника, прощает ... человека. ⁸³

Новый прием в изображении Густава III появился в прозаической поэме А. И. Дмитриева «Слава русских и горе шведов». Ее автор, участвовавший в шведской кампании 1790 г., восхвалял мужество русских воинов: «Поименуй, о Муза! мне героев, коих тебе известна слава и любезны имена: да украсится ими песнь моя». Дмитриев называет тех, кто вел «полки на брань», кратко характеризуя каждого офицера, поименно упоминает раненых и убитых. В обращении к врагам России («Кто приводит вас в заблуждение, о храбрые скандинавы! Уже нет более ваших Карлов и древних Густавов, прошли времена для вас счастливые...») отмечалось подражание стилистике Оссиана, фрагменты поэмы которого Дмитриев перевел в 1788 г., составив из них сборник «Поэмы древних бардов». ⁸⁴

А. И. Дмитриев придает образу Густава трагические черты, изображая его полководцем, наблюдающим, как гибнет его армия: «С высоты кремнистой горы, покровительствующей берегу, сам Густав видел бегущие суда свои, преданные пламени и сокрушению и в безднах морских потопляемые. Коль плачевное позорище для государя горестно терзающегося <...>. От сего зрелища отвращая

⁸¹ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1808. Ч. 2. С. 63.

⁸² Плавильщиков П. А. Ода на заключение мира с королем шведским 1790 года. СПб., 1790.

⁸³ Николев Н. П. Мадригал на победы, одержанные оружием ея императорского величества Екатерины II на Балтийском море // Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской академии члена. Ч. 2. М., 1795. С. 88.

⁸⁴ Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII—первая треть XIX века. Л., 1989. С. 24, 143.

лицо свое, он проливает слезы и оплакивает бедствия, которым сам был виною».

Вся эта картина — вымысел. Известно, что в сражении 3 июля, когда шведский флот, блокированный русскими кораблями, прорывался из Финского залива, Густав находился в маленькой шлюпке, затем перешел на флагманскую галеру «Орден Серафимов», а позже на яхту «Кольдинг». Он подвергался смертельной опасности, но держался уверенно. В бою при Свенсксунде Густав был в шлюпке за корабельным боевым строем. Он плавал среди судов, чтобы ободрить моряков и иметь возможность принимать быстрые решения.⁸⁵

Сцена, нарисованная Дмитриевым, носит следы его знакомства с трагедией Эсхила «Персы», в основе которой лежит историческое событие — нашествие персов во главе с Ксерксом на Элладу и их поражение в морском сражении у Саламина. О ходе битвы и ее финале в трагедии Эсхила рассказывает гонец:

...Ксеркс зарыдал, увидев глубину беды:
Он на холме высоком возле берега
Сидел, откуда обозреть все войско мог,
И, разодрав одежды и протяжный стон
Издав, пехоте приказал он тотчас же
Пуститься в бегство...⁸⁶

У Эсхила Дмитриев заимствовал и поименное перечисление павших героев. В античной трагедии их оплакивает хор.

Эсхил не относился к числу авторов, произведения которых часто переводились на русский язык. Но с его творчеством русские литераторы могли познакомиться, например, благодаря шеститомному изданию Пьера Брюмуа «Греческий театр» (Амстердам, 1732), которое содержало полное собрание греческих трагедий и комедий в переводе на французский язык.⁸⁷ Трагедия Эсхила «Персы» могла привлечь русского автора философской глубиной и патриотическим пафосом.

Дмитриев использовал в своей повести еще один античный источник — предание об афинском государственном деятеле Перикле (ок. 495–429 до н. э.), который был великолепным оратором и в совершенстве владел искусством убеждать слушателей в своей правоте. Его противник, оказавшись в изгнании, признавал, что если бы они боролись и он победил Перикла, тот и лежа убедил бы

⁸⁵ *Леннрут Э.* Великая роль. С. 335—336, 359.

⁸⁶ *Эсхил.* Трагедии / Перевод С. Апта. Издание «Библиотеки античной литературы». М., 1971. С. 100.

⁸⁷ Это издание числится среди книг библиотеки Академии наук, выданных А. П. Сумарокову в 1746—1748 гг. См.: *Левитт М.* Сумароков — читатель Петербургской библиотеки Академии наук // XVIII век. Сб. 19. СПб., 1995. С. 57.

всех, что он победитель.⁸⁸ Дмитриев по-своему интерпретирует это предание, объясняя, почему Густав III называет себя победителем в войне: «Беги, горделивый государь, оставь навсегда сию область. Тебя обольстили; оплачь падшую свою славу и несовершившиеся намерения. Но если желаешь умягчить свои горести: гласи, убегая, что ты нас победил, подобно как в древности славный афинский борец, поверженный долу соперником своим, вопиял, что он торжествует».⁸⁹

Образ Густава III, стоящего на вершине каменистого утеса и оплакивающего гибель своего флота, прочно вошел в русскую поэзию 1790 г. Таким он изображен Н. Ф. Эминым в «Прологе на случай победы, приобретенной над шведами 1790 года июня 29 дня»:

...Прострем взор к готву мы в пределы каменисты <...>
Клянущий рок монарх тут слезы проливает,
Вкусив достойну мзду, к мольбе он прибегает:
Убежище стыда, щит зла и мрака дочь!
Сокрой скорее нас, о ты, всеильна ночь!
Увидь мучения и гибели ужасны,
В которы ввержены мы дерзостны, несчастны,
Спеши — прости покров, спаси стнящих нас!..

В желании русских поэтов изобразить чувства шведского короля выраженными ярко, эмоционально, и в приемах, которыми они для этого пользовались, сказывалась театральность эпохи. «Открытость» переживаний героев была характерна для жанра трагедии. Театральная условность возобладала над исторической точностью. В. П. Петров в «Оде на заключение мира со Швециею» мечтал о запечатлении символического образа побежденного Густава в произведении искусства:

Сбери дней, Фидий, всю науку
И вточь мне вырежь бытие,
Как лев от страха лижет руку,
В него вонзившу копие,
И оком слезоточным молит,
Да живу та ему дозволит
Достичь вертепа своего...

Прославляя победу над шведами и Екатерину II, В. П. Петров в новой пространной оде, как и в сатирической поэме «Приключение Густава III, короля шведского», соединяет факты с вымыслом. Он упоминает непокорность Густаву финских полков, его военные

⁸⁸ Любкер Фр. Реальный словарь классической древности. СПб., М., 1888. С. 765—767. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. М., 1995. С. 147.

⁸⁹ Дмитриев А. И. Слава русских и горе шведов. СПб., 1790. С. 19—23.

неудачи при Фридрихсгаме. Но основное место в оде занимает изображение душевных переживаний побежденного Густава. В. П. Петров задается вопросом: «Что чувствовал ты, царь, в то время?..» и, отвечая на него, называет целый ряд психологических состояний: стыд, досада, тоска, гнев. Описанию душевного кризиса Густава подчинена и традиционная сцена:

Густав со холма превысока,
Страшась, на подвиг россов зрит.
Свидетельством уверен ока
Чудится, како флот горит <...>
Он чует пот по телу хладный,
И дух его, к победам жадный,
Неволей отступает вспять...

Эта сцена, многократно повторяемая в изображении Густава III, приобретала метафорическое значение. Вершина горы означала кульминационный момент в его судьбе. Спуск с горы символизировал неблагоприятную перемену, переход от «высокого» положения к «низкому».⁹⁰

...Он со страху
Бежит с крутых верхов с размаху,
Как лань, в след коей лают псы;
Бежит, бросая блесков бремя,
Раскрыта грудь, безшлемно темя,
Взвевает в беге ветер власы...

В оде Петрова еще больше, чем в других поэтических произведениях того времени, посвященных шведскому королю, ощущается влияние драматургической поэтики. После первой кульминации и спада напряжения драматизм сюжета опять возрастает. Поддавшись «мечтаньям гордым», Густав вновь посылает на битву свой флот «великий, страшный, многокрылый», произнося монолог, который сродни монологу героя трагедии: «Я ль в самом жаре подвиг кину, / Отру с лица толь рано пот...». Следуют кульминация и очередной спад напряжения — описание бегства Густава, который

...с высока Амфиона
На низку мечется ладью.
То, мчась, на ветер негодует,
Зачем не сильно в парус дует,
То на ленивое весло.

⁹⁰ О значениях горного ландшафта как литературного мотива см.: Данилевский Р. Ю. Подобие и родство (из истории литературных мотивов) // Россия. Запад и Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. СПб., 1996. С. 87—100.

Сам в мель концом толкает жерди,
Чтоб рук усилье к милой тверди
Его скорее принесло...⁹¹

«Осиротевший исполин, без пушек, без людей, без флота» — таким предстает Густав в финале этой необычной по композиции оды, которая содержит и элементы «Разговора в царстве мертвых»: Екатерина II обращается к Петру I с просьбой дать ей совет, как победить врагов России на юге и коварство их на севере.

С окончанием войны, исчерпав интерес к Густаву III в победных одах, русская поэзия обратилась к новым темам и новым героям. Шведский король и русско-шведская война становились объектами изучения историков. Уже в 1790 г. в Москве был напечатан перевод со шведского языка книги, изданной в Стокгольме в 1786 г. «Краткая история королевской шведской фамилии, имянуемой Густавов, начинающаяся от короля Густава Перваго до ныне царствующего короля Густава III». Переводчик — архивариус Московского архива государственной коллегии иностранных дел Карл Мерлин — сделал к этой книге, в которой сведения о Густаве III хронологически ограничены рождением в 1778 г. его сына, крон-принца Густава-Адольфа, некоторые примечания по «Журналу государя Петра I, сочиненному бароном Гизеном». Они касались эпизодов правления Карла XII, битвы со шведами 20 ноября 1700 г. при Нарве и военных действий 1704—1706 гг., в частности уточняли количество войск и убитых с обеих сторон. Покушение на Густава III в 1792 г. на бале-маскараде и последовавшая через несколько дней его смерть подробно освещались в российской печати.⁹²

В 1793 г. И. Н. Водопьянов перевел с немецкого языка «Разговор в царстве мертвых несчастного Лудовика XVI с императором Леопольдом II и Густавом III, королем шведским». Густав III еще раз стал персонажем литературного произведения в жанре «Разговора в царстве мертвых» и теперь уже полноправным собеседником в этом царстве. Смерти королей трех европейских государств в конце XVIII в., две из которых были насильственными, стали сильным искушением для анонимного автора, заставившего их встретиться и обсудить важные политические вопросы. Это произведение отличается от других, написанных в том же жанре. В нем нарушено правило односторонности: высказываются противоположные мнения о Французской революции, в том числе республиканская версия

⁹¹ Петров В. П. Ода е. и. в. Екатерине Второй <...> на заключение мира со Швециею 1790 года. М., 1790.

⁹² Достоверное известие о происшедшем в ночи с 16 на 17 число марта 1792 года злодейственном умысле на жизнь его величества короля шведскаго, с приложением королевских повелений. Переведено со шведскаго языка. [М., 1792]; Достоверное известие о убивстве его величества короля шведскаго, от правительства в публику, которое объявлено 10 апреля. М., 1792.

событий.⁹³ Нам интересны в «Разговоре» реплики Густава III, так как они характеризуют отношение к нему в европейском обществе конца XVIII в.

Густав рассуждает о несвоевременности собственной смерти, о тяжком бремени правителя, который старается вновь возвысить честь его праотцов. Он считает, что войны бывают необходимы по нескольким причинам: «для возбуждения упавшего народного духа, для показания себя сильному соседу во всем величестве или для возвышения государственного блага». Сразу после выхода в свет перевод И. Водопьянова был признан «клонящимся только к развращению нравов» и изъят из книжных лавок.

Не только лояльная оценка событий во Франции, но и высказывания Густава, косвенно оправдывающие его военное вторжение в Россию, были неприемлемы для официальной идеологии.

В России не без влияния литературы прочно и надолго укрепилось представление о том, что русско-шведская война 1788—1790-х гг. была следствием только личных качеств Густава III. «Кто бы мог подумать, что властолюбие правителя малой республики будет причиной кровопролитнейших браней между государствами <...>. Властолюбие <...> подвигло Густава III, короля шведского, на войну, пагубную для его народа и его самого», — говорилось в статье «О причинах войны Густава III против Екатерины II», опубликованной в «Военном журнале» (Кн. 12). Издание журнала, выходявшего в 1810—1812 гг., предпринял на собственные средства П. А. Рахманов, математик, почетный член многих ученых обществ, большой знаток и любитель музыки. В 1807 г. он вернулся на военную службу, которую оставил в молодости, и в чине штабс-капитана вошел в свиту его императорского величества по квартирмейстерской части (будущий Генеральный штаб). В 1808 г. он стал капитаном, а в 1810 г. в чине майора вышел в отставку.⁹⁴ Всего вышло 24 номера журнала. Начиная с 13-й книги из-за недостатка средств издание перешло от Рахманова в собственность Ученого комитета по артиллерийской части.

«Военный журнал» имел большой успех в обществе, его тиражи быстро расходились. Одним из первых подписчиков стал император Александр I. В двух номерах журнала (кн. 18, с. 14—28; кн. 19, с. 28—48) было опубликовано «Описание войны Густава III против Екатерины II», написанное графом Г.-М. Шпренгпортенем, лидером финляндских оппозиционеров, который в 1786 г. поступил на русскую службу и участвовал в создании Аньяльского союза. Шпренгпортен развивает мысль о «беспокойном честолюбии» Густава III,

⁹³ Ст.: *Marcialis N. Caronte e Caterina. Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo.* Roma, 1989. P. 191.

⁹⁴ Рахманов Петр Александрович // *Русский биографический словарь.* Т. «Притвиц—Рейс». (По указателю). СПб., 1910. С. 512—517; *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.

«искавшего с жадностью славы и считавшего все средства равно дозволительными для удовлетворения своей страсти» (кн. 18, с. 16).

Рекомендуя читателям сочинение Шпренгпортена, издатель указывал: «Оно достойно внимания воина, политика и философа. Первый усмотрит, что любовь к отечеству и храбрость могут иногда заменить искусство и опытность. Политик заметит, сколь страшно приводить в крайность сильное государство и чрез то заставить его прибегнуть к усиленным мерам. Философ увидит, до какой степени свирепости в своих бранях доходят народы, связанные торговлею, соседством и дружбою...».

В 1812 г. П. А. Рахманов из патриотических побуждений вступил в действующую армию и в следующем году был убит под Лейпцигом. Отечественная война 1812 г. дала русской литературе новые темы и новых героев. Заметное место в ней занял другой властолюбец — Наполеон.